

© 2026. Е. В. Перевалова

Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)
г. Москва, Россия

**«Где на деревьях поет райская птица Гамаюн»:
сотрудничество профессора Ф. И. Буслаева в изданиях
М. Н. Каткова**

Аннотация: В статье рассматривается участие историка литературы и искусствоведа профессора Ф. И. Буслаева в изданиях консервативного журналиста М. Н. Каткова, исследуются его публицистические выступления в газете «Московские ведомости», еженедельнике «Современная летопись» и журнале «Русский вестник». Выявлено, что основу длительного сотрудничества составляла близость общественно-политических и эстетических взглядов ученого и журналиста, свойственная им приверженность к европейской культуре и науке, к античному наследию, а также неприятие утилитарного и прагматичного подхода к искусству. Подробно изучены публицистические тексты Буслаева 1860–1870-х гг., предметом которых была культурная и общественная жизнь стран Европы, традиции, нравы и быт европейцев. Особый интерес представляют итальянские очерки и корреспонденции Буслаева, в которых на примере римской истории и архитектуры рассматривается идея «возрождения вечно обновляющейся жизни из крушения и развалин прошедшего». Делается предположение, что опубликованные в «Московских ведомостях» корреспонденции Буслаева из Италии стали одним из источников «итальянской темы» в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина».

Ключевые слова: Ф. И. Буслаев, М. Н. Катков, «Московские ведомости», «Русский вестник», «Современная летопись», Италия, Рим, публицистика

Информация об авторе: Елена Владимировна Перевалова, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики и телевизионных технологий, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), ул. Малая Калужская, д. 1, 119071 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5580-651X>

E-mail: helenpv@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 16.01.2026

Дата одобрения статьи рецензентами: 22.03.2026

Дата публикации статьи: 25.06.2026

Для цитирования: Перевалова Е. В. «Где на деревьях поет райская птица Гамаюн»: сотрудничество профессора Ф. И. Буслаева в изданиях М. Н. Каткова // Два века русской классики. 2026. Т. 8, № 2. С. 208–233. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2026-8-2-208-233>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 8, no. 2, 2026, pp. 208–233. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 8, no. 2, 2026, pp. 208–233. ISSN 2686-7494
Research Article

© 2026. Elena V. Perevalova

A. N. Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art)
Moscow, Russia

“Where the Paradise Bird Gamayun Sings in the Trees”: Professor F. I. Buslaev’s Collaboration in M. N. Katkov’s Publications

Abstract: The article examines the participation of the famous literary historian and art critic Professor F. I. Buslaev in the publications of the authoritative conservative journalist M. N. Katkov, and explores his little-known journalistic writings in the newspaper “Moskovskie Vedomosti,” the weekly “Sovremennaya Letopis,” and the magazine “Russkiy Vestnik.” The article reveals that the basis of their long-term collaboration was the affinity of their socio-political and aesthetic views, their shared commitment to European culture and science and to the classical heritage, as well as their rejection of a utilitarian and pragmatic approach to art. The article provides a detailed analysis of Buslaev’s journalistic texts from the 1860s and 1870s, which focused on the cultural and social life of European countries, as well as the traditions, customs, and daily lives of Europeans. Of particular interest are Buslaev’s Italian essays and correspondences, where he uses Roman history and architecture to explore the idea of “the rebirth of an ever-renewing life from the collapse and ruins of the past.” The article suggests that Buslaev’s correspondences from Italy, published in “Moskovskie Vedomosti,” became one of the sources of the “Italian theme” in Leo Tolstoy’s novel “Anna Karenina.”

Keywords: F. I. Buslaev, M. N. Katkov, “Moskovskie Vedomosti,” “Russkiy Vestnik,” “Sovremennaya Letopis,” Italy, Rome, journalism

Information about the author: Elena V. Perevalova, DSc in Philology, Associate Professor, A. N. Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art), Malaya Kaluzhskaya St., 1, 119071 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5580-651X>

E-mail: helenpv@yandex.ru

Received: January 16, 2026

Approved after reviewing: March 22, 2026

Published: June 25, 2026

For citation: Perevalova, E. V. “Where the Paradise Bird Gamayun Sings in the Trees”: Professor F. I. Buslaev’s Collaboration in M. N. Katkov’s Publications.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 8, no. 2, 2026, pp. 208–233. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2026-8-2-208-233>

Профессор Московского университета Федор Иванович Буслаев (1818–1897) вошел в историю литературы и искусства как выдающийся литературовед и искусствовед, глава русской мифологической школы, один из основоположников сравнительно-исторического метода в отечественном языкознании. В трудах О. А. Волошиной, А. С. Миронова, О. В. Никитина, М. В. Новикова, Т. Б. Перфиловой, М. Б. Раренко, Н. В. Чурмаевой и др. детально изучена роль Буслаева как исследователя широкого круга вопросов языкознания, литературоведения, фольклористики и искусствоведения.

Однако до сих пор остается вне поля внимания исследователей еще одна грань таланта ученого — его публицистика. Между тем Буслаев сотрудничал в периодике своего времени не только как ученый, но и как автор корреспонденций и очерков, большая часть которых печаталась в журнале «Русский вестник», газете «Московские ведомости» и в еженедельнике «Современная летопись», издателем которых был авторитетный журналист Михаил Никифорович Катков (1818–1887). В настоящей статье сделана попытка рассмотреть участие Буслаева-публициста в данных изданиях. Научная новизна исследования определяется недостаточной изученностью роли творческого наследия Буслаева-публициста и состоит во введении в научный оборот его малоизвестных публикаций.

В биографии Буслаева и Каткова можно найти немало общего, что, вероятно, способствовало их сближению и стало основой многолетних приятельских отношений. Оба принадлежали к одному поколению российской образованной интеллигенции, на юность которого пришлось повсеместное увлечение европейской наукой и культурой, приверженность к античному культурному наследию. Будучи выходцами из мелкочиновной среды, они уже в детстве столкнулись с бедностью и зависимостью от окружающих, рано — в пятилетнем возрасте — осиротев: отец Буслаева, мелкий провинциальный чинов-

ник, скончался в Пензе в 1823 г., как и отец Каткова, происходивший из унтер-офицерских детей и служивший в чине титулярного советника в Московском губернском правлении. Воспитанием сыновей занимались матери, к которым и Буслаев, и Катков до конца своих дней сохраняли трепетное чувство любви и благодарности. Именно матери стали их первыми наставниками в учебе и, несмотря на стесненность в средствах, приложили немало усилий, чтобы мальчики получили хорошее образование: Буслаев закончил Пензенскую гимназию, Катков сначала учился в первой московской гимназии, а затем в пансионе М. Г. Павлова. Молодые люди получили фундаментальное образование в Московском университете, в который одновременно поступили в 1834 г. на отделение словесных наук, позднее преобразованное в филологическое отделение философского факультета. Оба отличались упорством, трудолюбием и усидчивостью, стремлением досконально разобраться в изучаемом материале, тщательностью в работе с первоисточниками.

Но если взгляды Каткова в университете формировались под влиянием немецкой идеалистической философии, а круг его общения составляли члены литературно-философского кружка Н. В. Станкевича — В. П. Боткин, М. А. Бакунин и особенно В. Г. Белинский, с которым они вместе усердно штудировали философскую систему Гегеля, то Буслаев к трудам немецких философов относился «отчасти критически» [Раренко: 149] и в деятельности кружка активного участия не принимал, хотя с Белинским и был знаком еще задолго до поступления в университет: последний в годы его обучения в Пензенской гимназии преподавал там русский язык. Гораздо большее влияние на Буслаева в годы учебы оказал профессор М. П. Погодин, по рекомендации которого он познакомился с работами немецких языковедов В. Гумбольдта и Я. Гримма и начал рассматривать языкознание как основу науки о культуре или народном духе. В своих воспоминаниях Буслаев писал:

Из уст Погодина в первый раз услышал я имя великого германского ученого Якова Гримма, который своими многочисленными и разнообразными исследованиями потом оказывал на меня такую обаятельную силу, так воодушевлял меня, что я сделался одним из самых ревностных и преданнейших его последователей [Цит. по: Раренко: 150].

Однако и на Каткова философия Гумбольдта, согласно которой «язык — это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [Гумбольдт: 304], оказала несомненное влияние, определила его отношение к языку как к фактору, который в первую очередь определяет концептосферу человека и его отношение к объективной картине мира. В дальнейшем теория Гумбольдта оказала сильное влияние и на выбор ими тематики диссертационных исследований, предметом которых стал славянский язык и факторы, повлиявшие на его формирование.

После окончания университета и Буслаев, и Катков выбрали академическую карьеру, причем значительную роль в их судьбе сыграл граф С. Г. Строганов, бывший в 1830–1840-е гг. попечителем Московского учебного округа. По свидетельству современников, граф, будучи человеком европейски просвещенным, материально независимым и равнодушным к служебной карьере, ценил в окружающих в первую очередь чувство собственного достоинства, порядочность и умение отстаивать свои убеждения, и, как можно предположить, именно эти качества и привлекли его в молодых ученых. В 1839–1841 гг. Буслаев сопровождал Строганова в качестве домашнего учителя его детей в заграничной поездке по Западной Европе, где основательно изучил зарубежное, в первую очередь — итальянское искусство, что и предопределило круг его дальнейших научных изысканий. По возвращении в Россию граф предоставил в распоряжение молодого ученого свою фундаментальную библиотеку и рекомендовал его на место помощника к профессорам русской словесности Московского университета, а после защиты Буслаевым в 1848 г. магистерской диссертации «О влиянии христианства на славянский язык. По Остромирову Евангелию» — на место адъюнкта по кафедре русского языка и словесности.

Катков также продолжил образование за рубежом. В Германии он два года усиленно штудировал философию, прослушал курс лекций Ф. Шеллинга, а по возвращении в Москву защитил в 1845 г. диссертацию «Об элементах и формах славянорусского языка» и также при поддержке Строганова получил место адъюнкта по кафедре философии Московского университета. Буслаев в своих воспоминаниях писал о «веселых беседах на вечерних товарищеских сходках», на которых молодая профессура делилась научными планами и обсуждала «разные литературные замыслы». Именно на эти годы пришелся его первый с

Катковым совместный опыт литературной работы над подготовкой к изданию сборников статей по классической древности «Пропилеи», задуманных профессором римской словесности П. М. Леонтьевым. Катков написал для сборника монографию «Очерки древнейшего периода греческой философии», а Буслаев по своим путевым заметкам и наглядным впечатлениям, полученным во время путешествия по Италии, подготовил «Эстетический этюд о женских типах в изваяниях греческих богинь», название для которого, «очень тонкое и ловкое, вполне исчерпывающее содержание этой статьи», ему было подсказано Катковым [Буслаев 2012: 413]. Как видно из этих работ, Буслаева с Катковым изначально объединяла приверженность к европейской культуре и науке, к античному культурному наследию, которое, по их глубокому убеждению, должно было стать основой широкого просвещения и постепенной, вдумчивой подготовки народа к восприятию и пониманию новых идей.

Однако вскоре их пути разошлись. Вся последующая деятельность Буслаева будет связана с наукой и Московским университетом, где с 1861 по 1881 г. он возглавлял кафедру русской словесности, а Катков, напротив, был вынужден уйти с кафедры философии в 1850 г., когда по инициативе министра народного просвещения князя П. А. Ширинского-Шихматова ее преподавание было поручено профессорам богословия. По рекомендации Строганова ему было предложено место заведующего редакцией издававшейся при Московском университете газеты «Московские ведомости», и с этого момента вся его дальнейшая жизнь будет связана исключительно с журналистикой. С 1856 г. он совместно с профессором П. М. Леонтьевым приступил к изданию общественно-политического и литературного журнала «Русский вестник», а в 1863 г. они с Леонтьевым получили «Московские ведомости» в долгосрочную аренду, став их полновластными хозяевами. Четверть века под редакцией Каткова стали наиболее яркими в более чем полуторавековой истории этой газеты, превратившейся в издание общеевропейского масштаба, в «русскую “Times”», как нередко называли ее современники, в своего рода «государственный департамент» [Перевалова].

Все эти годы Буслаев оставался постоянным сотрудником и «Московских ведомостей», в которые он адресовал свои зарубежные корреспонденции, и «Русского вестника», где увидели свет многие его научные исследования: «Древняя русская словесность. Повесть о Горе

и Злочастии» (1856), «О народности в древнерусской литературе и искусстве» (1857), «Идеальные женские характеры древней Руси. Юлиана Лазаревская» (1858), «Русский богатырский эпос» (1862), «Сравнительное изучение народного быта и поэзии» (1872–1873) и др. Правда, сам ученый позже признавался, что непосредственно с Катковым в эти годы он общался мало, и «когда в течение многих лет в разное время из-за границы посылал свои корреспонденции в “Московские ведомости” и “Русский вестник”, то всегда писал их в форме письма и именно не к Каткову, а к Леонтьеву», будто вел с ним лично свою дружескую беседу, «что придавало живость и свежесть изложению» [Буслаев 2012: 420]. После смерти Леонтьева, скоропостижно скончавшегося в марте 1875 г., Буслаев, по его собственным словам, прекратил отношения с Катковым, хотя и продолжал помещать свои статьи в «Русском вестнике» и «Московских ведомостях», но «имел дело не с редактором этих изданий, а с конторою, куда отдавал свои статьи и откуда получал за них гонорар» [Буслаев 2012: 420].

Однако письма ученого, написанные во время пребывания его в Европе в 1870–1880-е гг. и адресованные именно Каткову (ответных писем, к сожалению, не сохранилось), свидетельствуют, что все эти годы между ними продолжали сохраняться теплые, дружеские отношения¹. И приятельское обращение на «ты», и легкая ирония, и поклоны в адрес Софьи Петровны — жены Каткова и других членов его семьи, и просьбы позаботиться о сыне — ученике основанного в 1868 г. по инициативе и при энергичной поддержке Каткова Лицея цесаревича Николая (или, как его иначе называли, «катковского»), — все это говорит о сложившейся между ними доброжелательной и доверительной атмосфере. И если для других авторов Катков был властным и требовательным редактором, «московским громовержцем» и «трибуном

¹ Возможно, поводом к некоторому охлаждению их отношений было избрание Каткова, а не Буслаева ординарным профессором по кафедре истории русской и всеобщей литературы в 1857 г., после скандального увольнения из университета профессора С. П. Шевырева. И даже спустя годы у Буслаева сохранялась некоторая профессиональная ревность к своему более удачливому товарищу (тем более, что Катков вскоре отказался от предложенной кафедры, мотивируя это высокой загруженностью в «Русском вестнике»), что отчасти и послужило причиной весьма сдержанного тона воспоминаний ученого о сотрудничестве с Катковым.

Страстного бульвара», то для Буслаева он всегда оставался старым университетским приятелем, с которым можно поделиться самыми сокровенными мыслями, которому без церемоний можно выказать свое недовольство. К примеру, в одном из писем он с досадой пенял журналисту на задержку своей статьи:

Ни Бога ты не боишься, ни людей не стыдишься, Михаил Никифорович, что до сих пор держишь под спудом нашу статью о церковном искусстве. Вот уже три недели, как она у тебя киснет. <...> Пожалуйста, воззри с своей администрацией на нас, меньшую братию. <...> Ради бога, напечатай, а то мы сами, члены, забудем, о чем такое говорили, когда статью нашу держишь в аресте столько же времени¹.

Публицист буквально требовал от приятеля не разделять присылаемые им материалы (весьма объемные, занимавшие в большеформатных «Московских ведомостях» от трех до пяти колонок) на несколько номеров, чтобы они «не потеряли в цельности впечатления»². Катков не противоречил, но, если такой возможности не было — передавал их в приложение к газете — еженедельник «Современная летопись» или же в «Русский вестник»³. По старой дружбе Буслаев нередко запросто обращался к Каткову с просьбой помочь отредактировать и подготовить к печати присылаемые им тексты: «Просмотри со вниманием мое дорожное мارانье и где найдешь недостатки, исправь, ради старого товарища»⁴, «Пожалуйста наблюдай сам за собственными именами и

¹ Буслаев Ф. И. Письмо М. Н. Каткову. 29 декабря. Б.г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 19. Л. 289.

² Буслаев Ф. И. Письмо М. Н. Каткову. Зальцбург. 26 августа – 4 сентября 1880 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 19. Л. 288–289.

³ Такой порядок размещения корреспонденций Буслаева имел и обратную сторону — опубликованные без определенной периодичности и в столь разных по типу изданиях (ежедневная газета, еженедельник, ежемесячный «толстый журнал»), они не составляли единого тематического цикла, как, к примеру, напечатанные в 1872 г. в «Московских ведомостях» путевые очерки «Из Италии» писателя и драматурга Д. В. Аверкиева или увидевшие свет в 1882 г. «Письма из Италии» литературного С. В. Флерова.

⁴ Буслаев Ф. И. Письмо М. Н. Каткову. Зальцбург. 31 июля – 1 августа 1880 г. Зальцбург. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 19. Л. 288.

фамилиями»¹ и т. п. — такие просьбы можно нередко встретить в его письмах, адресованных журналисту. Дружески-непринужденная, шутливо-ироничная тональность писем Буслаева хорошо передает характер взаимоотношений известного ученого и влиятельного журналиста.

С другой стороны, длительное — почти три десятилетия — сотрудничество Буслаева в изданиях Каткова все же вряд ли объясняется лишь студенческой дружбой и личной симпатией. В их общественно-политических взглядах, воззрениях на литературу и искусство, в понимании роли России в историческом процессе, на наш взгляд, было немало общего. Как отмечают исследователи, несмотря на близость к славянофильским кругам, любовь и уважение к русскому фольклору и древней русской литературе, привитые Буслаеву еще в университетские годы профессорами М. П. Погодиным и С. П. Шевыревым, он «был совершенно равнодушен ко всем волновавшим сторонников независимого, культурно-самобытного, исконно русского пути развития творческим идеям и исследовательским усилиям». При этом ему одинаково были чужды и западнические взгляды, которые он считал «узкими», претенциозными и оскорбительными для русского национального чувства [Новиков, Перфилова: 303–304]. Добросовестный и объективный ученый, он с любовью и пиететом относился и к русской старине, уважая ее ценностно-смысловую неповторимость, и к достижениям европейской цивилизации, но при этом отвергал как слепое преклонение славянофилов перед допетровской Русью, так и почти рабское стремление западников следовать европейскому прогрессу.

В отличие от Буслаева, Катков еще в студенческие годы с энтузиазмом примкнул к западникам. Но присущее ему в 1840–1850-е гг. почти фанатичное англоманство и безусловное преклонение перед твердостью и ясностью британских законов и беспрепятственностью их применения, особенно ярко проявившееся в первые годы издания «Русского вестника» и сделавшее журнал предметом язвительных насмешек (М. Е. Салтыков-Щедрин с иронией замечал, что «в 1857 году “Русский вестник” открыл Англию» [Салтыков-Щедрин 4: 200]), а Н. Ф. Щербина саркастически писал, что журнал желает «вырастить пальму на Лапландской почве и под полярным небом, не сообщаясь с

¹ Буслаев Ф. И. Письмо М. Н. Каткову. 26 августа – 4 сентября 1880 г. Зальцбург. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 19. Л. 288–289.

местными условиями»¹), с годами сменилось взвешенным и даже критичным отношением к европейской цивилизации. Его «имперский европеизм» [Кантор] предполагал будущее России в неотрывной связи с европейским путем развития, но при этом безоговорочно отвергал европейский либерализм и европейские либеральные ценности. Катков горячо спорил с теми, кто пытался перенести европейский либеральный опыт на русскую почву без учета сложившихся в России принципов государственной власти и русской национальной ментальности. В своих передовых статьях в «Московских ведомостях» он настойчиво проводил мысль, что европейский «пресловутый “правовой порядок” ничего не обеспечивает» [<Катков> 1883a] и лишь русское самодержавие способно гарантировать истинные свободы, а потому, «понятое в своем истинном смысле, оно окажется лучшим и вернейшим обеспечением всякого блага, каким только может дорожить человечество» [<Катков> 1883b].

Надо полагать, Буслаева устраивал политический консерватизм Каткова и его изданий, понимание прогресса в России исключительно в рамках сохранения единоличной власти монарха и крупной земельной частной собственности.

С другой стороны, у ученого не могла не вызывать сочувствия и эстетическая платформа изданий Каткова, основу которых составляли принципы свободы художника, преемственности развития литературы и искусства, опора на классическое культурное наследие и «вечные», непреходящие ценности. Его собственные научные изыскания, в которых утверждалось право исследователя на поиск и изучение «поэтических идеалов», подвергались резкой и крайне оскорбительной критике в радикальных журналах. Так, Н. А. Добролюбов в одной из рецензий сравнил вышедший в 1861 г. двухтомный фундаментальный труд Буслаева «Исторические очерки русской народной словесности и искусства» со зданием, которое «выходит ... из всей дряни, которую он наподбирал в архивной пыли» [<Добролюбов>: 317], а Н. Г. Чернышевский бросил в адрес авторитетного филолога обвинение в непрофессионализме, охарактеризовав его научные труды как «набор любопытных фактов и отрывков из рукописей», которые «сбиты в беспорядочную

¹ Шербина Н. Ф. Сонник собрания русской литературы // ОР РНБ. Ф. 391. Архив А. А. Краевского. Ед. 72.

кучу без всякой критики», а потому, как заявлял лидер «Современника», «трудами его наука не может воспользоваться» [Чернышевский 7: 742–743].

Не удивительно, что Буслаев выступил как один из самых надежных союзников «Русского вестника», опубликовав в нем в 1868 г. статью «Задачи современной эстетической критики», которую можно рассматривать, с одной стороны, как эстетический манифест журнала, а с другой — как резкий полемический выпад против концепции социально-ориентированного искусства и строго утилитарного и прагматичного подхода к творчеству.

Чтобы совсем покончить с искусством, надобно было художественное произведение до последней крайности унижить перед действительностью, низложить до совершенного ничтожества, — с негодованием писал Буслаев, имея в виду в первую очередь выступления Д. И. Писарева и его последователей. — Яблоко рисованное без всякого сравнения негоднее яблока действительного, потому что рисованное нельзя откусить; знаменитая корова Поль-Поттера также негодна, потому что ее нельзя доить. Вот последнее слово этой любопытной теории [Буслаев 1868: 280].

В противовес заявлениям публицистов журналов «Современник», «Русское слово», «Дело», отрицавших эстетическое значение искусства и настаивавших на отказе от «устаревшего», по их мнению, исторического опыта и традиций, ученый подчеркивал значение нравственных начал, заявляя, что в искусстве

более нежели где бы то ни было настоящее сближается и роднится с прошедшим. <...> Меняются взгляды на жизнь, но гениальное воссоздание жизни, когда и бы и кем бы оно произведено ни было, всегда и для всех будет современно. Отнимать у публики непосредственное знакомство со старинными произведениями значит более нежели лишать ее эстетическое воспитание исторических основ: это — лишать ее всегда новых и свежих художественных наслаждений [Буслаев 1868: 335–336].

Если предметом научных публикаций Буслаева в «Русском вестнике» были уникальные памятники фольклора, литературы и изобразительного искусства Древней Руси, то большая часть его публицистики была

посвящена явлениям современной европейской жизни и написана за границей, куда он неоднократно выезжал с целью изучения западноевропейского искусства. Сфера его научных интересов была необычайно обширна: в 1863–1864, 1870, 1874–1875, 1880 гг. ученый много работал с рукописями в музеях и библиотеках Италии, Франции, Германии, Чехии, Швейцарии, изучал европейскую живопись, археологию, историю, литературу, фольклор, встречался с коллегами — филологами и лингвистами... Стоит отметить, что большая часть корреспонденций Буслаева была прислана из Италии — страны, которая еще в юности поразила его своей «монументальностью» [Буслаев 1897: 188].

Но если в той, первой поездке, его интересы были почти полностью сосредоточены «на изучении археологии и искусства в связи с историей литературы», и он, по его собственному признанию,

гуляя по улицам и площадям города, видел здания, дворцы и церкви, портики, фасады и колоннады, а людей, которые мне встречались, и не замечал; для моих взоров существовала тогда только местность, а не обыватели, которые ее населяют [Буслаев 1897: 187–188],

то теперь его внимание все чаще обращалось к традициям и быту европейцев, его интересовал образ жизни и занятия жителей разных регионов Европы, их нравы, характеры, привычки... В своих корреспонденциях для «Московских ведомостей» он с искренним удовольствием рассказывал как об уникальных явлениях европейского искусства, например, об экспонатах Христианского музея, основанного профессором Берлинского университета Ф. Пипером «для практического, наглядного знакомства слушателей с главнейшими фактами в истории христианского искусства и древностей» [Буслаев 1864: 7], так и о столь «приземленных» предметах, как производство сыра в швейцарском Бургдорфе, не упуская при этом ни одной самой мелкой детали: устройство сыроварен, оптовых складов и магазинов, количество коров у местных жителей, условия сохранения сыров и способ использования обрезков очищаемой с сыра «коры»... [Буслаев 1870а: 8]. От описания архитектурных достопримечательностей и древних рукописей публицист переходил к рассуждениям о распространившемся среди клерикалов Франции и Италии увлечении «набожным пилигримством»; от размышлений о роли языка и литературы в изучении

народностей — к рассказу о занятиях и быте жителей того или иного европейского города; от описания римским катакомб — к пересказу содержания итальянских «летучих листков» и т. д.

При этом, как можно предположить, Буслаев не связывал себя обязательствами регулярно писать в «Московские ведомости» и вряд ли согласовывал с Катковым тематику своих публикаций и их «географию», тем более что газета, традиционно уделявшая много внимания информации из-за рубежа, не имела недостатка в собственных корреспондентах в Европе. Так, в 1870 г. почти одновременно с Буслаевым в длительное европейское путешествие отправился граф А. А. де Бальмен, заключив с редакцией договор сообщать «не только политические известия, но также и новости, касающиеся общественной жизни, литературы, культуры и проч.», при этом «не стесняя себя ни сроками, ни объемами корреспонденций»¹, и его многочисленные письма из Меца, Амьена, Ахена, Брюсселя, Франкфурта-на-Майне, Парижа, Страсбурга, Женевы, Дрездена, Вены, на постоянной основе печатались в «Московских ведомостях».

Напротив, имя Буслаева на страницах газеты появлялось нечасто, но Катков, по всей видимости, очень дорожил его сотрудничеством, ценя в нем не столько постоянного корреспондента, сколько глубокого знатока и тонкого ценителя европейской литературы, культуры и искусства. Вряд ли кто-либо из авторов газеты мог предложить редакции рассказ о встрече с немецким лингвистом, историком литературы, фольклористом и педагогом Феликсом Либрехтом, или описание библиотеки старинного немецкого Бамберга, или рассказ о посещении мастерской известного археолога и знатока древнехристианского искусства Поля Дюрана, расположенной в башне древнего Шартрского собора. Обладая энциклопедическими гуманитарными знаниями и широкой эрудицией, Буслаев увлекательно и одновременно на высоком профессиональном уровне писал о выдающихся памятниках европейской культуры, о собраниях редких рукописей, о старинной архитектуре небольших европейских городков: французского Шартра, бельгийского Льежа, чешской

¹ Журнал исходящих бумаг редакции журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости» (1870–1877) // РГАЛИ. Ф. 262. Оп. 3. Ед. хр. 17. Л. 201. Имя Буслаева в журнале не упоминается, что также может служить подтверждением, что формально с ним договоров в указанный период не заключалось, а, скорее всего, существовали лишь устные договоренности с Катковым.

Праги, швейцарского Бургдорфа, немецких Бамберга и Регенсбурга, куда, как правило, нечасто заглядывали путешественники. Но именно такие удаленные от туристических маршрутов места и привлекали ученого: в отличие от столиц, которые, по его словам, «все похожи одна на другую» [Буслаев 1870a], в таких маленьких городках, по его мнению, и сохранялись следы, «отмеченные на страницах истории цивилизации» [Буслаев 1874b], и можно было «короче познакомиться с условиями внутреннего быта страны» [Буслаев 1870a].

К примеру, одним из таких заслуживающих пристального внимания мест для Буслаева стал немецкий Регенсбург, расположенный всего в нескольких верстах от Вальхаллы — зала славы, где в скульптуре были увековечены выдающиеся исторические личности германской культуры, науки и политики. Для большинства туристов, стремящихся посетить Вальхаллу, Регенсбург, как отмечал публицист,

при беглом обозрении не представляет в своей провинциальной запущенности ничего особенного, кроме нескольких старинных построек, которые, как грязные заплатки между заново выкрашенными домами, там и сям нарушают общий строй архитектуры начала текущего столетия [Буслаев 1880: 293].

Но, как он признавался в одном из писем Каткову, этот город «не сразу раскусишь»¹. Подобно Я. Гримму, который во всех бережно собиравшихся им «остатках и осколках» старины [Гримм: 56] стремился обнаружить некогда целостное и нравственно совершенное народное предание и отыскать в нем «те аксиологические и эстетические достоинства, которые народ закладывал в фундамент своей цивилизации» [Пыпин: 723], Буслаев в архитектурном облике современного города настойчиво искал артефакты его многовекового прошлого. За внешней неказистостью и незначительностью Регенсбурга он сумел рассмотреть город с двухтысячной историей, обладающий «многовековой и многонародной сложностью своего глубокого характера», где

каждое здание, подвергаясь историческим переворотам и в течение веков будучи непрестанно прилаживаемо к разным потребностям сменявших

¹ Буслаев Ф. И. Письмо М. Н. Каткову. Зальцбург. 26 августа – 4 сентября 1880 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 19. Л. 288-289.

друг друга поколений, выработало наконец свой маститый характер, с резкими очертаниями физиономии, как это бывает на старческих лицах, и с богатым по содержанию прошедшим, о котором говорят и самые камни, а еще более устные предания и сказания, переполненные такими же анахронизмами, как и все эти башни, церкви и монастыри, мосты и стены, о которых они повествуют [Буслаев 1880: 294].

Яркая многовековая история города, ставшего свидетелем различных событий, от разрушительных набегов гуннов и вандалов до великого пожара времен наполеоновских войн, представляла в очерке Буслаева в свете его своеобразной архитектуры, в которой остатки классического римского, древнехристианского, раннего романского наследия IX и X столетий причудливым образом переплетались с элементами англо-саксонского, ирландского, готического стилей XIII и XIV столетий и образцами эпохи Возрождения XVI в. Очарованный Регенсбургом, публицист сравнивал его с

народной поэмой, в роде Илиады, Нибелунгов или наших былин, в которой так гармонически слилось в одно художественное целое это неразрешимое ученым анализом сочетание разнообразных и разновременных элементов, старины и новизны, древнейших преданий и новых выдумок, исторической правды и легенды [Буслаев 1880: 294],

и настойчиво советовал редактору «Московских ведомостей» чаще знакомить читателей газеты именно с «такими насиженными тысячелетнею цивилизацией»¹ местами.

И все же идею «возрождения вечно обновляющейся жизни из крушения и развалин прошедшего» [Буслаев 1875с] Буслаев в первую очередь связывал с Римом, в котором он впервые побывал еще в юности и где, увидев воочию руины древнего города, впервые окунулся в многовековую историю и культуру. Бывая в Европе уже в зрелые годы, он старался каждый раз посетить столицу Италии, ставшей для него олицетворением всей мировой цивилизации.

¹ Буслаев Ф. И. Письмо М. Н. Каткову. Зальцбург. 26 августа – 4 сентября 1880 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 19. Л. 288–289.

Этот беспримерный в свете город поистине город вечный, — писал он, — имеет в себе нечто такое, что его ставит в интересах цивилизованного человечества выше временных случайностей его столичного положения [Буслаев 1875с].

В арках, воздвигнутых императорами Титом и Константином, в колоннах Траяна и Антонина, в колоссальных мавзолеях Адриана и Августа, в самой почве Марсова поля и высотах Капитолийского, Палантинского, Квиринальского холмов он видел «монументальные письмена» истории всего человечества, пред которой «мелко и малозначительно кажется все новое и современное» и «всякое современно событие умалется и сокращается до мимолетного момента» [Буслаев 1875с].

Рим для Буслаева — уникальный, вечно обновляющийся город, где «повсюду печать одряхления и возобновления, которое, отживая свой век, в свою очередь подвергается закону разрушения и ждет себе возрождения к новой жизни», и где «всякая старина, сколько бы ни была она далека от современности, служит на потребу текущей жизни, принаравливается, реставрируется, и подновляется на запрос минуты» [Буслаев 1875с]. В римских храмах, мавзолеях, дворцах публицист видел не просто неповторимые архитектурные сооружения древности, но «исторические барометры», отражающие многовековую историю города:

Иное здание стоит на улице, в ряду с прочими домами, а своим фундаментом и нижними этажами глубоко уходит под землю, <...> в своих ярусах, нагроможденных друг на друга, воплощает целые исторические периоды и служит как бы видимым измерителем самого времени, которое мало-помалу засыпало щебнем и землей нижние этажи, на которых там постоянно созидались этажи верхние, новейшие [Буслаев 1875d].

«Переплетения» древности и современности, «историческую нить», связующую историю древнего Рима с настоящим днем, Буслаев увлеченно искал на римских улицах, площадях и даже глубоко под землей, в темных римских подземных переходах, где он бывал с проводником и лишь при слабом мерцании свечи мог видеть памятники эпохи античности и средневековья, воплотившие в камне этапы истории. С искренним восхищением он описывал эти легендарные многовековые слои,

«эти подземные клады, эти исподние пласты из костей человеческих, наслоившиеся от побоищ и кладбищ» [Буслаев 1875d]: древнейшие катакомбы Домитиллы, где археологами были обнаружены базилика Святой Петронеллы, фрески и многочисленные христианские иконографические изображения; руины античного мавзолея Августа Кесаря, в средние века превращенные в замок и крепость, а теперь ставшие городским летним садом и театром; раскопки около базилики Марии Великой, в ходе которых была открыта огромная подземная зала-одеон, со ступенями для сиденья в полукружии, предназначенная для музыки, литературных чтений и философских бесед, куда, скорее всего, «меченат приглашал друзей и знакомых на литературные собрания, где Вергилий, Гораций, Овидий читали свои произведения» [Буслаев 1875b]; базилику Святого Климента, в подземных недрах которой при раскопках были обнаружены помещения четвертого, а затем первого веков и где, по образному выражению публициста, каждый из трех ярусов — «будто отдельная глава этой истории, отдельная песнь религиозной поэмы, воплотившейся в стены и своды с колоннами, с мозаикой, живописью и скульптурой. Верхний ярус на поверхности земли, по времени — последний период истории, последняя песнь поэмы» [Буслаев 1875d].

Подземный Рим публицист уподоблял древней Помпее, погребенной под слоем пепла Везувия, но с горечью отмечал, что столица новой Италии

силой исторических переворотов изуродована беспощаднее, чем Помпеи огнедышащим вулканом, и прочнее, чем она, погребена под пластами земли, которую столько веков утапывали разные народы и поколения, слагая в нее свои кости [Буслаев 1875d].

Как ученый-историк и искусствовед, Буслаев не мог не сожалеть, что «каждое время жило для себя» и жертвовало «остатками великого прошедшего <...> для удовлетворения своих мелких, но насущных нужд», при этом безжалостно уничтожая созданное своими предшественниками:

Варвары безжалостно разрушали, жгли и грабили великие произведения классического Рима. Христианские храмы в первые века нашей эры сооружались из остатков античных памятников. Римские дворцы строились

из кирпичей Колизея и Помпеева театра, украшались колоннами и статуями из римских термов и дворцов кесарских. Мастера XVI и XVII столетий, по приказанию пап, сбивали драгоценную штукатурку со вдохновенными фресками XIV и XV веков... [Буслаев 1875с].

К политическим новостям Буслаев обращался лишь изредка, хотя его поездки в Европу совпадали с едва ли не самыми драматическими событиями европейской истории 1860–1870-х гг.: франко-прусской войной, поражением французов и пленением императора Наполеона III, упразднением Папского государства и объединением Италии. Однако свою задачу публицист видел отнюдь не в том, чтобы информировать «Московские ведомости» о событиях политической жизни Европы, которые, как он с некоторой долей иронии писал Каткову, «со времени изобретения телеграфов, не могут быть новыми в корреспонденции, и когда это письмо дойдет до Москвы — один бог знает, что нового и великого может случиться».

Нет, моя задача будет другая, — подчеркивал Буслаев. — Меня интересует не политика, а те убеждения и понятия, которые слагаются в массах народа в такие тревожные времена, какие мы переживаем. Человека легче можно понять в критические минуты его жизни: только тут он высказывается весь [Буслаев 1870b].

Интересы публициста были сосредоточены не столько на политических событиях, сколько на отражении в них состояния общества и менталитете европейцев. Внимательный и вдумчивый ученый, он подмечал присущие им характерные особенности, особенно ярко проявлявшиеся в критические, переломные моменты истории. Даже такие, по собственному выражению Буслаева, «мчащиеся события наших дней» [Буслаев 1870с], как заключительный этап Рисорджименто в Италии, в его публицистике предстают сквозь призму восприятия итальянцев, «народные толки», настроение толпы на площадях и улицах, разговоры в кофейнях и ресторациях, карикатуры в «летучих листках» и т. п.

Буслаев демонстрирует, как, словно в калейдоскопе, быстро меняются настроения темпераментных итальянцев: повсеместные демонстрации против правительства сменяются столь же повсеместными нацио-

нальными торжествами после вступления правительственных войск в Папскую область; многочисленные митинги и народные собрания с целью побудить нерешительное правительство к немедленному занятию Рима уступают место бесчисленным овациями и манифестациям после получения известия о взятии «вечного города» и провозглашении республики, а города украшаются трехцветными национальными знаменами и сияют тысячами огней:

И каждый город праздновал национальную радость по-своему, согласно своим местным и историческим условиям, — пишет Буслаев. — В Генуе иллюминация охватила весь берег с кораблями и лодками и высоко поднялась на самые вершины Апеннин, окружающих город. Верона осветила и украсила свой античный амфитеатр и иллюминировала альпийские террасы, с которых она спускается в Ломбардскую долину. Во Флоренции толпы рабочих собрались на соборной площади у Дантова камня и свое национальное торжество соединили с овациями флорентийскому поэту, пророчество и завещание которого наконец исполняются в эти великие для итальянского народа дни [Буслаев 1870с].

С особым интересом Буслаев пересказывает в своих корреспонденциях содержание иллюстрированных народных «летучих листков», в которых в карикатурном виде изображались Наполеон III, король Пруссии Вильгельм, канцлер Германии Бисмарк, Римский папа и другие европейские политики. Так, Наполеон III пренебрежительно именовался уменьшительным именем *Gigi* и изображался «с длинным носом и бесконечными усами, на тоненьких ножках с толстым пузом» — этакий «поскребок старины», который «не удостаивается даже насмешки, лично на него обращенной; потому что он жалок, потому что лежачего не бьют» [Буслаев 1870с]; император Вильгельм представлял как не лишком умный, но при этом удачливый вояка, которому «становится тесна *карта* Европы»: на карикатурах его изображение — это «нога в сапоге со штрипками, стоящая на карте целого света, и только в уголке карты подписано: Европа» [Буслаев 1870b] и т. п.:

Не знаю, как на ваш вкус, а мне вообще нравятся итальянские карикатуры, потому что они всегда просты, иногда наивны, но всегда игривы и веселы, и без педантских претензий [Буслаев 1870b].

Однако, восхищаясь остроумием и находчивостью итальянской уличной карикатуры, он с неодобрением писал, что она «всегда ищет себе поживы в пикантностях крайнего либерализма» [Буслаев 1875с], имея в виду, по всей вероятности, переменчивость симпатий и антипатий «летучих листков», их зависимость от сиюминутных увлечений толпы и политической конъюнктуры. По мнению публициста, именно закулисные интриги парламентских партий и стремление «левых» итальянских газетчиков сделать из лидера национального освободительного движения Италии Джузеппе Гарибальди «знамя для всеобщего недовольства и возмущения» [Буслаев 1875с] превратили этого «замечательного человека», «старого служаку» и «бесхитростного солдата» в мишень уличной карикатуры, объект насмешек итальянского обывателя, непредсказуемого в своих политических предпочтениях.

И все же современный Рим, быстро превращавшийся из клерикальной «папской» столицы в столицу объединенной Италии, вызывал у Буслаева неподдельное восхищение. Он с искренним удовольствием писал о бурном строительстве «светского» Рима, где на месте пустырей прокладывались дороги и возводились новые здания, университетские аудитории и лаборатории занимали помещения упраздненных монастырей, а католические мессы уступали место театральным представлениям и карнавалам. Вот как описывал Буслаев чувства, охватившие его при взгляде на «неугомонную деятельность» в «новом» Риме:

Не умею вполне передать того поразительного, никогда не испытанного мною впечатления, какое произвело на меня открывшееся передо мной зрелище <...>. Прежде всего я был оглушен стуком, треском и гамом сотни голосов, будто я попал на ярмарку и на каменоломню вместе. Площадь с ее зеленой муравой, как была тридцать лет назад, исчезла под громадными глыбами белого камня, которыми теперь вся была завалена, и около каждой глыбы кишели каменотесы, с гамом и криком рубили и тесали. <...> Платформа, на которой я очутился, имела вид верхнего яруса лож в театре, только вместо сцены простиралась широкая площадь, заваленная камнями и кишевшим повсюду народом, а по обеим сторонам, вместо декораций, будто на громадном пожарище, поднимались пяти и шестиэтажные здания, иные совсем отстроенные и окрашенные, другие до половины выведенные, а иные только что начатые, выглядывали из обнаженных из-под

земли античных развалин, между рытвинами взрытой поверхности и высокими холмами щебня [Буслаев 1875b].

Можно с известной долей вероятности предположить, что публикации Буслаева из Италии 1870 и 1875 гг. стали одним из источников «итальянской темы» в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина», который печатался в «Русском вестнике» в 1875–1876 гг. Несмотря на сложности взаимоотношений с издателем журнала [Андреева], писатель весьма внимательно относился к катковским изданиям и порою использовал публикуемую в них документалистику в качестве основы своих художественных текстов¹. Толстой, несомненно, успел внимательно ознакомиться с корреспонденциями Буслаева из Венеции и Рима, события в которых по времени совпадают с действием романа. И «средневековая итальянская жизнь», которую пытался вести Вронский в небольшом итальянском городе, где они с Анной снимали «старый, запущенный палаццо с высокими лепными плафонами и фресками на стенах, с мозаичными полами, с тяжелыми желтыми штофными гардинами на высоких окнах, вазами на консолях и каминах, с резными дверями и мрачными залами, увешанными картинами», среди которых были работы Тинторетто, и увлечение Вронского средневековым итальянским искусством, и даже его манера носить шляпу и плед через плечо «по-средневековски» и т. п. [Толстой 8: 36–49] — как представляется, могли быть «навеваны» картинами древнего и нового Рима в корреспонденциях «Московских ведомостей».

Публицистика Буслаева представляет собой удивительный сплав путевого очерка, искусствоведческой статьи и аналитической корреспонденции, где яркие впечатления путешественника и размышления ученого чередовались с развернутыми комментариями и нетривиальными оценками того или иного явления европейской жизни 1860–1870-х гг. Блестящая эрудиция, глубина проникновения в тему, основательная философская подготовка и тонкий эстетический вкус, понимание особенностей европейского менталитета, наконец, ясный, понятный и до-

¹ К примеру, основой кавказских сюжетов в творчестве Л. Н. Толстого, по мнению исследователей, могли служить публикуемые в «Русском вестнике» воспоминания и военно-исторические очерки А. Л. Зиссермана и Ф. Ф. Торнау [См. об этом подробнее: Дзидзария; Авидзба].

ступный язык изложения — все это в совокупности создавало особый стиль, отличающий материалы Буслаева от многочисленных путевых очерков и корреспонденций, публикуемых в прессе тех лет.

Сторонник традиционного понимания искусства как явления исключительно самодостаточного, свободного, нацеленного на формирование в сознании читателей представлений о «вечных», непреходящих ценностях, Буслаев писал об уникальных явлениях западноевропейской культуры, выделяя те из них, которые наиболее точно, с его точки зрения, отражали менталитет нации, ее характерные национальные особенности.

Отдавая приоритет искусствоведческой тематике, публицист много внимания уделял социальным и культурным особенностям европейцев, подчеркивая необходимость вдумчивого и внимательного знакомства с культурой и историей других стран и народов. Опытный путешественник и истинный ученый, он предостерегал своих соотечественников от поверхностного, беглого знакомства с историей, традициями и бытом иных стран и народов, когда «подробности ландшафта вместе с уносящимся назад пространством сливаются в бесконечную панораму птичьего полета, по которой, как колесо по рельсу, скользит оторопелый взгляд, ни на чем не успевая остановиться, в которой самые города со стрельчатыми башнями готических церквей и с массивными твердынями замков и дворцов сокращаются до размера расписных камешков», и призывал «наслаждаться всем тем, что природа и цивилизация щедро рукой рассыпали по обеим сторонам уносящегося вдаль поезда» [Буслаев 1874а].

Несмотря на некоторую политическую индифферентность Буслаева (по его собственному признанию, работа с рукописями, посещение музеев и библиотек переносили его «в те блаженные страны, где реки текут млеком и медом и на деревьях поет райская птица Гамаюн»¹), он все же не мог оставаться вне политики и общественно-политических дискуссий, что особенно заметно в его итальянских корреспонденциях 1870 и 1875 гг. Ученого привлекали «путаница и толкотня всевозможных вопросов и интересов», «оглушающий водоворот животрепещущей современности» на улицах Милана и Рима, он внима-

¹ Буслаев Ф. И. Письмо М. Н. Каткову. СПб. 25 марта 1860 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 19. Л. 285–287.

тельно вглядывался в взволнованные лица горожан, вслушивался в трескотню «друг друга сменяющих телеграфных известий и уличных толков» [Буслаев 1870b], с интересом знакомился с содержанием итальянских газет и летучих листков... Наблюдая царящие на улицах суету и суматоху, Буслаев весьма скептически оценивал политическую активность и политические предпочтения европейцев, не разделяя мнения российских либералов о сформированной в Европе политической культуре и существующих там политических свободах. Со свойственной ему пронизательностью он отмечал присущий европейцам эгоцентризм, их погруженность исключительно в свои собственные камерные интересы, равнодушие и пустое обывательское любопытство «щеголеватых сеньоров, величаво восседающих целыми десятками на улице у входа кофеен, и глубокомысленно пробегающих столбцы газет» [Буслаев 1870b]. Как и Каткова, его раздражали «крайности отчаянного либеральничанья, под самым красным знаменем полнейшего демократизма» [Буслаев 1875a] европейской печати, а в борьбе политических группировок и партий он, как и редактор «Московских ведомостей», видел лишь эгоистическое стремление к власти, политический популизм и попытки увлечь толпу демагогическими лозунгами, не имеющее ничего общего с интересами страны и благом народа.

Список литературы

Источники

- Буслаев Ф. И. Из Праги // Современная летопись. 1864. № 6. С. 3–7.
Буслаев Ф. И. Задачи современной эстетической критики // Русский вестник. 1868. № 9. С. 273–336.
Буслаев Ф. И. Из Бургдорфа // Современная летопись. 9.08.1870a. № 29. С. 7–10.
Буслаев Ф. И. Из Милана // Московские ведомости. 5.09.1870b. № 191.
Буслаев Ф. И. Из Венеции // Московские ведомости. 15.09.1870c. № 199.
Буслаев Ф. И. Из Льежа // Московские ведомости. 11.08.1874a. № 200.
Буслаев Ф. И. Из Шартра // Московские ведомости. 11.09.1874b. № 227.
Буслаев Ф. И. Из Рима // Московские ведомости. 15.02.1875a. № 44.
Буслаев Ф. И. Из Рима // Московские ведомости. 5.03.1875b. № 57.
Буслаев Ф. И. Из Рима // Московские ведомости. 17.03.1875c. № 69.
Буслаев Ф. И. Из Рима // Московские ведомости. 24.03.1875d. № 76.
Буслаев Ф. И. Из путевых заметок // Русский вестник. 1880. № 9. С. 293–313.
Буслаев Ф. И. Мои воспоминания. М.: В. Г. фон-Бооль, 1897. 387 с.

Буслаев Ф. И. Эпизоды из истории Московского университета // Катков М. Н. Собр. Соч.: в 6 т. / под общей ред. А. Н. Николюкина. СПб., Ростов, 2012. Т. 6. С. 412–420.

Б.п. <Добролюбов Н. А.> Издания общества распространения полезных книг // Современник. 1861. № 8. С. 317–324.

Б.п. <Катков М. Н.> Передовая статья // Московские ведомости. 6.03.1883а. № 65.

Б.п. <Катков М. Н.> Передовая статья // Московские ведомости. 11.05.1883б. № 129.

Пытин А. Н. Новейшие исследования русской народности // Вестник Европы. 1883. Кн. 10. С. 695–742

Салтыков-Шедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. М.: Худож. лит., 1965–1977.

Толстой Л. Н. Собр. соч. в 12 т. / под общ. ред. С. А. Макашина и Л. Д. Опульской. М.: Правда, 1987.

Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. в 15-ти т. / под общ. ред. В. Я. Кирпотина, Б. П. Козьмина, П. И. Лебедева-Полянского и др. М.: Гослитиздат, 1939–1953.

Исследования

Авидзба Р. Л. К вопросу о литературных источниках «Кавказского пленника» Л. Н. Толстого // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Филологические науки. 2013. Вып. 3. С. 5–13.

Андреева В. Г. «Катков... как раз годится для публики»: переписка Л. Н. Толстого и М. Н. Каткова 1850–1860-х гг. // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 2. С. 20–39. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-2-20-39>

Волошина О. А. «Система этимологии» Ф. И. Буслаева, или о сравнении русских слов с санскритскими // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 4 (173). С. 94–99.

Гримм Я. Немецкая мифология / пер. с нем. А. А. Гутнина // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: трактаты, статьи, эссе / сост., общ. ред. Г. К. Косикова. М.: МГУ, 1987. С. 54–71.

Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 397 с.

Дзидзария Г. А. Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы. М.: Наука, 1976. 130 с.

Кантор В. К. Имперский европеизм, или Правда Михаила Каткова versus русское общество // Вопросы литературы. 2019. № 2. С. 13–41.

Миронов А. С. Русские былины в отечественной педагогике XIX века: роль хрестоматий Ф. И. Буслаева // Культура и образование: научно-информационный журнал культуры и искусств. 2017. № 3 (27). С. 5–11.

Никитин О. В. «Опыт исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева в лингвистической традиции его времени (к 200-летию со дня рождения ученого) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 439. С. 44–56.

Новиков М. В., Перфилова Т. Б. Ф. И. Буслаев: идейно-политические аспекты исследования проблемы народности // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 3. С. 302–307.

Перевалова Е. В. «Русская Times»: газета «Московские ведомости» под редакцией М. Н. Каткова (1863–1887). М: Изд-во Московского Политеха, 2020. 407 с.

Раренко М. Б. Федор Иванович Буслаев: к 200-летию со дня рождения // Литературоведческий журнал. 2019. № 45. С. 116–154.

Чурмаева Н. В. Ф. И. Буслаев. М.: Просвещение. 1984. - 112 с.

References

Avidzba, R. L. “K voprosu o literaturnykh istochnikakh ‘Kavkazskogo plennika’ L. N. Tolstogo” [“On the Literary Sources of Leo Tolstoy’s ‘Prisoner of the Caucasus.’”]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta im. M. A. Sholokhova. Filologicheskie nauki*, no. 3, 2013, pp. 5–13. (In Russ.)

Andreeva, V. G. “‘Katkov... kak raz goditsia dlia publiki’: perepiska L. N. Tolstogo i M. N. Katkova 1850–1860-kh gg.” [“‘Katkov... Is Just Right for the Public’: Correspondence Between L. N. Tolstoy and M. N. Katkov in the 1850s–1860s”]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 6, no. 2, 2024, pp. 20–39. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-2-20-39> (In Russ.)

Voloshina, O. A. “‘Sistema etimologii’ F. I. Buslaeva, ili o sravnenii russkikh slov s sanskritskimi” [“‘The System of Etymology’ by F. I. Buslaev, or on the Comparison of Russian Words with Sanskrit Words”]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4 (173), 2018, pp. 94–99. (In Russ.)

Grimm, Ia. “Nemetskaia mifologiya” [“German Mithology”]. *Zarubezhnaia estetika i teoriia literatury XIX–XX vekov: Traktaty, stat’i, esse* [Foreign Aesthetics and Literary Theory of the 19th–20th Centuries: Treatises, Articles, Essays], trans. from German by A. A. Gugin. Moscow, Moscow State University, 1987, pp. 54–71. (In Russ.)

Gumboldt, V. *Izbrannye trudy po iazykoznaniu* [Selected Works on Linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1984. 397 p. (In Russ.)

Dzidzariia, G. A. *F. F. Tornau i ego kavkazskie materialy* [F. F. Tornau and his Caucasian Materials]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 130 p. (In Russ.)

Kantor, V. K. “Imperskii evropeizm, ili Pravda Mikhaila Katkova versus russkoe obshchestvo” [“Imperial Europeanism, or Mikhail Katkov’s Truth Versus Russian Society”]. *Voprosy literatury*, no. 2, 2019, pp. 13–41. (In Russ.)

Mironov, A. S. “Russkie byliny v otechestvennoi pedagogike XIX veka: rol’ khrestomatii F. I. Buslaeva” [“Russian Epics in 19th Century Russian Pedagogy: The Role of F. I. Buslaev’s Anthologies”]. *Kul’tura i obrazovanie: nauchno-informatsionnyi zhurnal kul’tury i iskusstv*, no. 3 (27), 2017, pp. 5–11. (In Russ.)

Nikitin, O. V. “Opyt istoricheskoi grammatiki russkogo iazyka’ F. I. Buslaeva v lingvisticheskoi traditsii ego vremeni (k 200-letiiu so dnia rozhdeniia uchenogo)” [“F. I. Buslaev’s ‘Experience in the Historical Grammar of the Russian Language’ in the Linguistic Tradition of His Time (On the 200th Anniversary of the Scientist’s Birth)”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 439, 2019, pp. 44–56. (In Russ.)

Novikov, M. V., and T. B. Perfilova. “F. I. Buslaev: ideino-politicheskie aspekty issledovaniia problemy narodnosti” [“F. I. Buslaev: Ideological and Political Aspects of

the Study of the Problem of Nationality]. *Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, no. 3, 2016, pp. 302–307. (In Russ.)

Perevalova, E. V. “*Russkaia Times*”: gazeta “*Moskovskie vedomosti*” pod redaktsiei M. N. Katkova (1863–1887) [“*The Russian Times*”: the “*Moskovskie Vedomosti*” Newspaper Edited by M. N. Katkov (1863–1887)]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo Politekha Publ., 2020. 407 p. (In Russ.)

Rarenko, M. B. “Fedor Ivanovich Buslaev: k 200-letiiu so dnia rozhdeniia” [“Fyodor Ivanovich Buslaev: On the 200th Anniversary of His Birth”]. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 45, 2019, pp. 116–154. (In Russ.)

Churmaeva, N. V. *F. I. Buslaev* [F. I. Buslaev]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1984. 112 p. (In Russ.)